

В заключение необходимо ясно понять, что эта процедура, как и любой другой научный метод, имеет свои издержки и перспективы¹⁹. В данном случае, однако, издержки не будут выше, нежели в отношении большинства сложившихся практик. Имеется в виду необходимость абстрагирования и относительного пренебрежения тем, как события или образцы описываются с точки зрения участников как являющиеся или «ощущаемые» ими. Это вопрос того, что Маклеод (Macleod) назвал «уклоном в социологию», аналогичным, скажем, уклону в концепцию «стимул-реакция» в понимании восприятия.

Этот уклон в своей наиболее привычной форме включает принятие общественных структур и процессов такими, как они определены социологами в качестве истинных координат, специфицирующих поведение и опыт. С этой точки зрения, церковь или политическая партия трактуются в рамках социологического исследования отнюдь не так, как они воспринимаются самими их членами, а как общественные институты, обладающие разнообразными свойствами и функциями. Отсюда процессы социального приспособления, социализации или формирования установки становятся определяемыми в терминах комплекса норм, которые имеют реальность лишь для научного наблюдения, но к которым отнюдь не имеет отношение конкретный индивид.

Пер. Я.Астафьевой, Л.А.Мостовой

¹⁹ Винер (Wiener) и К.Леви-Строс также представляют противоположные точки зрения на возможность обнаружения закономерных регулярностей в антропологических данных. Винер утверждает, что: а) доступные статистические ряды недостаточно велики по времени и б) наблюдатели модифицируют феномен путем его осознанного исследования. К.Леви-Строс напротив, считает, что лингвистика в конце концов может встретиться по крайней мере с теми же трудностями, и предполагает, что определенные аспекты социальной организации могут также быть исследованы таким образом, чтобы эти трудности были объективированы. Можно также добавить, что Винер отмечал в разговоре с одним из нас, что он убежден в практичности изобретения новых математических инструментов, которые позволяют получить удовлетворительное объяснение фактов социальной науки. Наконец, отметим находку Дж.Мердока: «Культурные формы в области социальной организации выражают уровень регулярности и адекватности научным законам, отнюдь не менее значимым, нежели те, которые обнаружены в так называемых естественных науках».

ДЖ.Г.МИД

СТАДИИ АКТА: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА*

В. Стадия манипуляции: перцептуальный и научный объекты

Перцептуальный объект есть прежде всего организация ближайшей среды по отношению к организму. Перцепция означает здесь не что иное, как настройку чувственного аппарата на среду, выполнение им (через его связь с центральной нервной системой) функции отбора стимулов, необходимой для реакции организма, и вызывание им надлежащей реакции. «Что» объекта есть, стало быть, выражение того целого, неотъемлемыми частями которого являются среда и организм. Если бы функцией перцепции в ее непосредственности была функция знания, то к этому объекту, как он существует для организма, нужно было бы добавить локализованную в организме способность к осознанию. Для допущения этого осознания есть, видимо, две причины. Одна обнаруживается в рефлексивном процессе, в котором познание перцептуального объекта определено становится частью поведения; вторая — в отождествлении организма с социальным Я.

Процесс опознавания объекта и корректировки наших установок при наличии неуспешного поведения, осуществляющийся во внутреннем разговоре путем использования значимых символов (социальных по происхождению), сам по себе всего лишь форма поведения и, как поведение, столь же непосредствен, как и любой другой его тип. Однако по отношению к объекту, который анализируется и реконструируется, он опосредован, и в своих образах прошлого и будущего поведения он устанавливает область опыта, резко отличающуюся от области окружающего мира перцептуальных объектов. Когда мы соотносим перцептуальный мир с социальным Я, функционирующим в этом рефлексивном процессе, постулируется сознание, являющееся преемником непосредственной перцепции. Делая это допущение, мы не обращаем внимания на тот факт,

* Продолжение. Начало см.: «Личность. Культура. Общество». 2001. Т. III. Вып. 1(7). Перевод выполнен по изданию: Mead G.H. The Philosophy of the Act. Chicago: University of Chicago Press, 1938. P. 3–25. Пер. В.Г.Николаева.

Джордж Герберт Мид (1863–1931) — американский философ, социолог и социальный психолог, основоположник интеракционизма в социальной науке.

что рефлексия предполагает данность непосредственного мира и что Я возникает в социальном поведении внутри этой области. Что еще больше укрепило мысль в этом допущении, так это появление научного объекта, который не является объектом непосредственного опыта и тем не менее стал рассматриваться как реальность этого объекта. Таким образом, объект непосредственной перцепции был помещен в сознание как опыт этого социального Я, в то время как реальный объект помещается за пределы опыта и обнаруживается только мышлением.

Истоки этого отделения объекта непосредственного опыта от научного объекта находили в проведении различия между первичными и вторичными качествами. Первичными качествами были качества протяженности, твердости и движения; вторичными — качества цвета, звука, запаха, вкуса и температуры. Реальным был объект, который существует и движется в пространстве и времени, занимая пространство за счет исключения других вещей, другие же качества объекта мыслились как состояния сознания Я, или души. Значительную лепту в это различие внесли два важных довода. Один из них находили в том факте, что и организм, и среда могут быть определены в категориях этих первичных качеств как так называемая «основополагающая материя». Вторым был факт возможности установления в терминах материи и движения таких условий, при которых возникают вторичные качества. Стало возможно рассматривать вторичные качества как эффекты, производимые в сознании воздействием на организм движущейся материи. Вместе с тем, это оставляло протяженную инертную материю, пребывающую в движении, как внутри, так и вне сознания. Дж. Локк, а позднее шотландская школа выдвинули предположение, что она осознается непосредственно, тогда как вторичные качества даны лишь в представлении (*presentation*). Анализ Дж. Беркли и Д. Юма легко показал, что нет никакого перехода от сознания к объекту, находящемуся вне сознания, в случае первичных качеств, если такой переход отрицается в случае вторичных качеств; Миллс же сформулировал доктрину, что наше знание есть целиком и полностью знание состояний сознания, а внешний мир, находящийся за их пределами, не более чем допущение.

Тем временем научный анализ вынес строение материи далеко за пределы всякого непосредственного опыта, а математический анализ пространства и времени заменил пространство и время непосредственного опыта концептуальными пространством и временем. Таким образом, реальный мир мыслился как состоящий из таких элементов, которые, по

определению, не могут быть объектами непосредственного опыта, но в то же время в действии этих элементов усматривались причины сознательного опыта, непосредственного и опосредованного. Ученый все еще не критически полагал, что пространство и время его экспериментальной науки суть пространство и время конечной реальности, а элементы материи — не что иное как мелкие частицы протяженных вещей непосредственного опыта. Так мы остались с тем, что было названо «раздвоенной природой». Ее реальность обнаруживали в движениях физических частиц, наделенных инерцией и представляющих в своих движениях различные силы.

Какое бы эпистемологическое обоснование этому ни давалось, эта материя и ее движения казались принадлежащими непосредственному опыту или могли таким образом пониматься; по крайней мере, все наблюдения и эксперименты строились на этом допущении. Вместе с тем, цвет, звук, вкус, запах и температура этого мира помещались в сознание. Самое убедительное оправдание этого разделения было найдено в установлении научного объекта. Этот объект в своей структуре и воздействиях, оказываемых им на организм непосредственно, но в основном через посредников, понимается как причина вторичных качеств. Следовательно, он не мог бы иметь самих по себе этих качеств. Поверхности, отражающие волны эфира, не могут сами по себе иметь цвет, так как являются предварительными условиями переживания цвета в опыте. Протяженность и плотность могут существовать как в сознании, так и вне его; но цвет и звук, вызываемые воздействием протяженных вещей, не могут быть присущи самим вещам.

Эта позиция, разумеется, полностью не критична. Если уж мыслить физические объекты как причины цвета, звука, запаха, возникающих вследствие их прямого или косвенного воздействия на нервную систему, то следует мыслить их также и как прямые или косвенные причины сознания протяженности, длительности и плотности, поскольку они суть качества вещей; однако физическая теория уже сама, похоже, отбросила непосредственный опыт в своих мельчайших членениях материи на молекулы, атомы и электроны, хотя в воображении физика эти физические элементы представляют собой не что иное, как все меньшие и меньшие частицы материи, которые он имеет у себя под рукой. Однако, хотя эти мелкие частицы сами по себе не могли бы восприниматься в опыте и мыслиться в своих комбинациях как причины ощущения протяженной инертной материи, давления и силы, мы все же не только можем мыслить эти

частицы как маленькие кусочки окружающей нас материи, но, к тому же, еще и качества инерции, давления и силы могут до бесконечности подразделяться в воображении без утраты тех свойств, которые они имеют в непосредственном опыте.

Таким образом, даже электрон мы можем помыслить как кусочек материи, отталкивающийся от электрически заряженной пластины или к ней притягивающийся, подобно тому, как можем воспринять кусок железа, который притягивается к мощному магниту. Но мы не можем мыслить о поверхности, которая впитывает определенные световые волны и отражает другие, как об имеющей тот цвет, который, как мы говорим, мы сознаем, когда отраженный луч оказывает воздействие на сетчатку глаза и центральную нервную систему. Физическая теория сама отрывает цвет, звук и другие вторичные качества от объекта, оставляя на их месте определенные структуры и движения, которые являются косвенными причинами этих ощущений, но, будучи структурами и движениями, качественно отличны от самих ощущений. Сегодня нескритичное научное воображение наделяет физические частицы теми качествами, которые мы называем первичными чувственными качествами. Даже для нескритичного воображения они не могут обладать теми качествами, которые мы называем вторичными, так как на место вторичных качеств физическая теория поставила определенные силы и движения, являющиеся причинами появления в сознании этих ощущений. Можно сказать, что физическая теория объясняет вторичные качества через первичные.

При объяснении вторичных качеств через первичные приходится представлять отдаленный объект — видимый, слышимый или обоняемый — в категориях контакта, ибо конечная трехмерная физическая вещь существует для нас как нечто, чем можно осмысленно манипулировать и что можно разбить при помощи какого-нибудь разрушительного процесса на меньшие части, имеющие тот же самый материальный характер. Когда мы имеем дело с находящимся от нас в отдалении цветным объектом, его реальность для физического объяснения обнаруживается в объекте, с каким мы могли бы войти в состояние контакта, но который сейчас находится на расстоянии и посылает оттуда через некоторого посредника к органу зрения собственные или отраженные волны. Этот анализ разбивает целостную ситуацию восприятия, включающую отдаленный объект, посредника и организм, и распознает временной процесс с ранними стадиями, предшествующими его завершению. Поскольку эти ранние стадии заняты объектами, они не могут иметь окраску, ибо еще не дана вся

ситуация. В случае переживания контакта наличествует вся ситуация в целом, когда бы такое переживание ни происходило. Если мы представляем в воображении далекую планету, ее материя представляется так, как если бы мы действительно ощущали ее, прикасались к ней своими руками. Правда, даже в этом случае предполагается процесс в нервной системе между контактом и возбуждением центрального тракта, но и здесь элементы и движения тоже представляются в контакте как молекулы, атомы или электроны. В случае цветов и звуков мы представляем элементы переживания контакта, которые должны действовать прежде, чем может возникнуть переживание цвета или звука, а они не могут быть представлены в категориях цвета или звука. Наше объяснение цвета и звука, следовательно, предполагает объекты как существующие до того, как сможет существовать переживание цвета и звука. Это предполагает, однако, что в сопоставлении со всем механизмом объекта, посредника и организма, объект не обладает этими качествами так же изначально, как обладают качествами протяженности, твердости и движения объекты контакта.

Важно признать, что в наших интерпретациях в терминах физической науки организм является частью физического мира, который мы объясняем. Существует нескритичная тенденция отождествлять организм с так называемым «сознанием», делать его в некотором смысле субъективным в противовес объективному миру вещей. Говорить об индивиде как о воспринимающем мир и отождествлять его с организмом в какой-то мере оправданно. В этом случае мы мыслим его объясняющим собственное переживание цвета в терминах световых волн, отраженных от объекта через посредника на сетчатку его глаза и таким образом приводящих в возбуждение центральную нервную систему, что может быть установлено в терминах контакта. Между тем, индивид, создающий данное объяснение, не организм в абстрактном понимании физической науки. Объясняя процесс восприятия он есть социальное существо в нерасчлененном перцептуальном мире, лишь малая часть которого вовлекается в радиус его исследования. Законченное утверждение о реальности должно восстановить те содержания, которые были устранены в процессе объяснения, и притом должно восстановить их в перцептуальных объектах, а не в сознании. Объяснение устанавливает, что было бы обнаружено существом, переживающим все только в контакте, если бы оно смогло проследить весь физический процесс от объекта до организма и его центральной нервной системы, а также подтверждает, что в протяженном во времени процессе переживания на расстоянии ранние ста-

дии его могут быть представлены лишь в терминах контакта как предварительные условия переживания на расстоянии.

Предлагает ли нам этот естественнонаучный анализ картину мира, как он существует независимо от восприятия? Если цвет и звук выражают ситуацию, заключающую в себе весь механизм, складывающийся из объекта, посредника и по-особому развитого организма, то можем ли мы сказать, что протяженность, размер, движение и инерция не предполагают такой ситуации, в которую тоже были бы вовлечены объекты и организмы, особенно развитых типов? И что мир, постигаемый как независимый от таких ситуаций, не может быть по характеру совершенно другим? Самое большее, чего, по всей видимости, достигает в этом направлении физическая наука, так это освобождает наши восприятия и их анализ от идиосинкразий и перспектив отдельных наблюдателей. Она находит единообразия, обладающие силой для всех наблюдателей и мыслителей. Она не выходит за пределы фундаментальных условий самого наблюдения в контакте. Конечные физические частицы в науке все еще понимаются через занимаемое пространство, массу и инерцию. Конечное пространство понимается как пространство измерительной рейки, инструмента, который можно применить вручную; а конечным фактом физической реальности в опыте остается факт эффективного занятия пространства физическим индивидом, данный ему как в переживании сопротивления тому, что вторгается в его место, так и в порыве к занятию других мест — в сочетании с чувством границы, которое приходит с тактильным переживанием поверхности. Таким образом, различие между переживанием вещей на расстоянии и переживанием их в контакте остается даже тогда, когда мы представляем физические условия переживания контакта в физической и физиологической доктрине. Это различие заключено в логической связи между тем, что обещает переживание на расстоянии, и завершением акта, который предполагается в восприятии. Когда мы беремся выяснить физические условия переживания контакта, мы помещаем аппарат переживания контакта на некоторое расстояние — либо прямо (при исследовании физического стимула и анатомировании организма), либо косвенно (через использование инструментов преувеличения, которым воображение может заниматься до бесконечности).

Однако следует помнить, что при анализе восприятия в рефлексивных установках этот анализ должен продолжиться восприятием. По-видимому, есть два условия для этого анализа перцептуальных объектов путем дальнейшего восприятия. Одно мы только что указали: любой объект

конечного переживания контакта, возникающего в результате совершения акта, предполагавшегося в переживании на расстоянии, может сам по себе быть представлен на расстоянии и, стало быть, может раскрыть другие, более очищенные переживания контакта, предполагаемые в этой дистанцированной установке. Второе условие состоит в том, что при восприятии объекта мы наделяем его реальностью эффективного занятия пространства, принадлежащей нам самим, и тем самым даем объекту внутреннее содержание, которое никакие поверхности, открывающиеся глазу или руке, не могут ему дать; и это помещение нас самих внутрь других объектов позволяет нам воспринимать все эти вещи, и прежде всего самих себя, с точки зрения вещи, внутрь которой мы сами себя поместили.

Таким образом, анализ восприятия не уводит нас в реальность, лежащую за гранью действительного или возможного восприятия. Он уводит нас к переживаниям контакта, которые могут иметь любые требуемые параметры. Эти представляемые в воображении объекты контакта очищаются от частных особенностей, которыми наделяют их разные восприятия на расстоянии, как наши собственные, так и восприятия других, причем им придается то единообразие, которое все должны признавать, поскольку контактные переживания у разных людей идентичны с точки зрения наложения измерений и эффективного занятия пространства и поскольку мы помещаем себя в места других наблюдателей.

Г. Стадия консуммации

В перцептуальном мире переживания на расстоянии являются прежде всего стимулами, на которые индивид отвечает либо приближением к стимулу, либо удалением от него. Преобладающей стимуляцией на расстоянии является зрительная, и в этом смысле организованный пространственный мир восприятия — это визуальный мир. Как отмечал Дж. Беркли, визуальный опыт является или становится знаком опыта, который проистекает из приближения, вызываемого зрительным стимулом. Полное завершение акта, инициируемого отдаленным стимулом, обнаруживается, например, в такой консуммации, как потребление пищи.

Однако не консуммация, или завершение, акта является той чувственной вещью, которую воздействующий на расстоянии стимул приводит в действие. В пищу употребляют вещи. Иначе говоря, есть переживание контакта с объектом, которое конституирует его перцептуальную реальность и которое встраивается между началом акта и его консуммацией. К этому переживанию относятся и визуальное переживание, и кон-

сумматорное. Оба становятся характеристиками, или прилагательными вещи.

Переживание контакта — не голый контакт с поверхностью организма. Это, как в случае предчувствия какой-то вещи или в контактах с воздушными течениями, может быть переживание на расстоянии, ведущее к самой вещи. Физическая вещь заявляет о себе в манипуляции. В манипуляции присутствуют большая тонкость различения осязательных поверхностей руки, трехмерное переживание, возникающее в результате хватательного движения ладони, и, что важнее всего, проявляется инструментальность манипуляторного опыта. Эта инструментальность включает в себе приведение акта в состояние временной паузы. Он не продолжается непрерывно до полного своего завершения, то есть консумации. У высокоразвитых обезьян почти все манипуляторные процессы представляют собой лишь шаги в приближении к объекту или удалении от него. Нет никаких задержек в разворачивающемся акте, инициированном отдаленным стимулом. У такого животного, как человек, это предварительное завершение акта в прикосновении руки является или может быть начальной точкой более сложного процесса, в котором физическая вещь проявляется как опосредование всего акта в целом. Приостановка дает возможность возникнуть внутри акта конкурирующим тенденциям реагирования. Критическая важность этой стадии отражается в том факте, что мы очень рано начинаем переживать отдаленное поле посредством установок манипуляторного контакта.

Мы приближаемся к отдаленному стимулу с уже возбужденными в нас манипуляторными процессами. Мы готовы схватить молоток еще до того, как до него доберемся, и установка манипуляторной реакции управляет нашим приближением к нему. То, что мы собираемся сделать, определяет направление приближения и в некотором смысле его манеру. Именно позднейший процесс, уже пробужденный в центральной нервной системе и контролирующей ранние стадии, конституирует телеологический характер акта. В эту ситуацию входят альтернативные манипуляции, пробуждаемые отдаленным стимулом. Какое-то время они тормозят друг друга и, тем самым, тормозят акт. Разные стимулы борются за высвобождение акта из этого состояния. Если нужно прибить гвоздь, а молоток отсутствует, взгляд блуждает в поисках камня, затем переносится на подошву ботинка или на железную болванку. Наконец, то или иное приобретает контроль над актом, и им, таким образом, начинает управлять этот отдаленный стимул, а не другой. Следовательно, такое

животное, как человек, видит физические вещи, то есть инициированный манипуляторный ответ, в том отдаленном стимуле, который высвобождает активность организма.

Такой запущенный будущий акт всегда имеет гипотетический характер. До тех пор, пока эта начатая реакция не осуществится до конца, ее реальность не гарантирована. Экспериментальный методстроен в простейший процесс восприятия физической вещи. В этом смысле будущее уже заключено в акте.

Прошлое тоже заключено в акте, ведь умение и знакомство — продукты прошлых реакций. К тому же физическая вещь, в отличие от стимула, есть гипотетическое и, стало быть, будущее завершение начатого процесса, которое предстоит проверить переживанием контакта. Если она высвобождает начатый процесс, например, забивание гвоздя, то, значит, она — молоток. Окружающая индивида среда есть множество таких гипотез, поскольку она составлена из физических объектов. Уверенность, возникающая из умения и знакомства, конституирует их как наличествующие объекты, но это, в конечном счете, лишь предварительная уверенность, которая может в любой момент пошатнуться.

Каждый акт, между тем, движется вперед от его физических объектов к некоторой консумации. В сфере консумации все ценностные прилагательные становятся непосредственно очевидными. Объекты попадают в собственность, становятся хорошими, плохими или никакими, прекрасными или безобразными, любимыми или вредными. В физических вещах эти качества присутствуют лишь опосредованно.

Физические вещи — это средства, причем для целей, которые часто еще необходимо выяснить. Они, следовательно, имеют существование, безразличное по отношению к целям, и конституируют сферу механизма. Их гипотетический характер следует отличать от гипотетического характера достижения цели. В научном методе они суть содержащееся в переживании на расстоянии указание на переживание контакта, конституирующее конечную реальность данного в наблюдении или опыте — то есть реальность физической вещи, а не того, что она может предполагать (иными словами, реальность научных данных).

Перевод В.Г.Николаева.